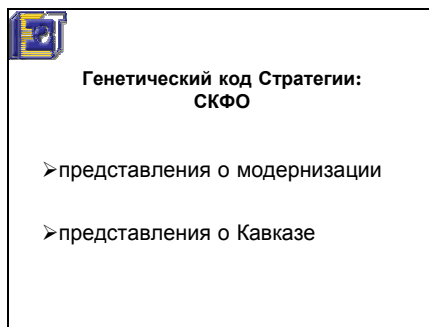

Северный Кавказ: модернизационный вызов

Это выступление не только мое. Мы готовили эту работу вместе с Денисом Соколовым, главным редактором журнала «Фронтир». Сначала мы думали назвать ее «Северный Кавказ: модернизационный проект», но потом решили, что на «модернизационный проект» мы, пожалуй, пока замахнуться не готовы, но вот рассмотреть, что такое модернизационный вызов Северного Кавказа и какая политика могла бы помочь Северному Кавказу принять этот вызов, мы все же попробуем.

Сейчас Максим Сергеевич [Быстров] очень подробно рассказал о стратегии. Я не буду говорить о конкретных мероприятиях стратегии, но собственно любой документ в своей идеологии несет некий генетический код. Причем этот генетический код воспроизводится авторами документа, но закладывается он именно теми общественными представлениями, которые существуют по тому или иному вопросу, потому что кто бы ни писал документ, выйти за рамки тех представлений, которые сложились в обществе, очень сложно. И вот я бы сказала, что генетический код стратегии состоит из двух элементов: это те представления о том, что такое модернизация, которые сложились в обществе, и те представления о том, что такое ситуация на Северном Кавказе. Попробую прокомментировать оба эти момента.

Мне в последнее время все чаще приходится повторять формулировку проклятия успешной модернизации, только применительно к Кавказу, потому что в нашей стране был опыт модернизации, который в общем все больше и больше воспринимается в сознании людей, как опыт успешной модернизации 30-х гг. XX века. И поэтому, когда звучит слово модернизация, возникает совершенно определенная картинка, которую я и попыталась описать. Это:

- ведущая роль государства и подчиненная роль инициативы снизу,
- концентрация финансовых ресурсов в центре и использование этих ресурсов на финансирование масштабных модернизационных проектов,
- абсолютно второстепенная роль, которая отводится качеству человеческого капитала, институциональной среды и т.д.

Последствия догоняющей модернизации:

- краткосрочность модернизационного рывка
- высокая социальная цена
- деструктивные долговременные последствия (деградация аграрного сектора, медленная потребительская модернизация, невосприимчивость к инновациям)

Если мы посмотрим, насколько успешна была та «успешная» модернизация, то мы увидим, что оценка ее не совсем правильна, потому что эти механизмы использовались не только в Советском Союзе, они использовались в ряде других стран. Они дают достаточно серьезный модернизационный рывок, но очень краткосрочный. Очень хорошо создавать экономику с нуля, когда этой экономики нет, когда есть некое почти чистое поле, на котором создаются заводы, фабрики и т.д. Как только эти заводы, фабрики созданы, они тут же становятся не просто материальными объектами, они становятся очень серьезными игроками, которые лоббируют свои интересы. И ровно в тот момент, когда это происходит, модернизационный рывок заканчивается, и начинается застой.

Хотелось бы напомнить, что постановления о внедрении достижений научно-технического прогресса в нашей стране принимали с 1938 г. с одинаковым успехом, а скорее с его отсутствием. Но есть опыт не только нашей страны.

Недавно я посмотрела очень интересную информацию про Южную Корею. Когда после Азиатского кризиса конца 1990-х гг. в этой стране попытались провести модернизацию и модернизировать политику, их знаменитая система чиболей (которую воспринимают чуть ли не как последнее достижение модернизации) противилась этой политике настолько, что сначала из 30 чиболей 16 пришлось ликвидировать, либо реорганизовать, с тем, чтобы они перестали быть игроками на рынке. Только после этого стало возможным проводить модернизационную политику.

Следующий момент, это высокая социальная цена подобной модернизации. Тут комментарии излишни. То, что она проводилась силами ГУЛАГа, наверное, никому напоминать не надо... Давая позитивные последствия в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе она дает достаточно деструктивные результаты. В нашем случае – это деградация аграрного сектора, это очень медленная потребительская модернизация. Мы ее обычно воспринимаем как низкие доходы населения, как социальный фактор, но это не только социальный фактор. Это значит, что потребительский рынок как двигатель модернизации в советские времена не работал. Ну и, наконец, невосприимчивость к инновациям, которую все мы сейчас активно наблюдаем.

Альтернативы модернизационной политики

Централизация	Децентрализация
Ведущая роль государства	Ведущая роль частной инициативы
Финансирование инвестиций	Поддержка институциональной среды
Ставка на крупное производство	Ставка на мелкое и среднее производство
«Выбор победителей»	Конкуренция
Диктат «сверху»	Общественный диалог

Я сделала чисто интеллектуальное упражнение. Я взяла все те параметры модернизации, которые характерны для ее классической схемы – централизация, ведущая роль государства, финансирование инвестиционных проектов, ставка на крупное производство, выбор победителей, т.е. государство отбирает те проекты, которым и оказывает поддержку, диктат сверху, – и попробовала написать противоположное. Децентрализация, ведущая роль частной инициативы, поддержка институциональной среды, ставка на мелкое и среднее производство, конкуренция и общественный диалог. Если мы возьмем правый столбец этой таблицы, то мы увидим, что в истории модернизация, которая характеризуется этими параметрами, присутствует и, может быть, не реже, чем модернизация, которая характеризуется тем, что написано в левом столбце.

История

Экономический рост начинается при двух условиях:

- защита частной собственности
- принуждение к исполнению контрактов

Модернизация в странах-пионерах начиналась не путем финансирования сверху, а путем органического развития, постепенного накопления капитала. На опыте этих стран был сделан фундаментальный вывод, который никто особо и не оспаривает: экономический рост начинается при наличии двух условий – защита частной собственности и принуждение к исполнению контрактов. Вот пока в Великобритании эти два условия не были сформулированы, экономического роста не было. Дальше постепенно они формировались в других странах, и экономический рост начинался. Но это давняя история, а теперь посмотрим на современность.

Современность

- *Финляндия* : открытость экономики, либерализация, институты, общественный диалог
- *Италия*: ведущая роль мелкого и среднего производства, связанного с местным сообществом

На самом деле те страны, модернизация которых происходила во второй половине XX в., и особенно начиная с 80-х гг. XX в., демонстрируют нам, что те универсальные рецепты, которые казались абсолютно необходимыми в предшествующий период, в частности в первой половине XX в., становятся далеко не такими универсальными.

Классический пример постиндустриальной модернизации – Финляндия. Как она модернизировалась? Нельзя сказать, что государство ушло из экономики, это было бы неправильно. Государство финансировало инвестиционные проекты, вкладывалось в НИОКР, но при этом проводилась жесткая политика открытости экономики, либерализация, делался серьезный акцент на улучшение институциональной среды. Собственно по показателям – защита частной собственности, отсутствие коррупции, качество работы судебной системы – Финляндия находится во всех рейтингах на первых местах. И еще использование института общественного диалога для того, чтобы

проводить реально непопулярные меры, а там приходилось это делать. Экономика росла при повышении производительности труда, безработица держалась очень долго на уровне выше 9%, и при этом был вполне социальный мир, никаких серьезных социальных возмущений не было. Финляндия – страна глубоко европейская, с другой институциональной матрицей.

Я тут посмотрела на Южную Корею, на то, что происходило после кризиса конца 90-х гг. А картинка-то та же самая: приватизация, открытость экономики, либерализация внешней торговли, либерализация режима действия иностранного капитала, акцент на поддержку мелкого и среднего производства. То есть ощущение, что тенденция достаточно универсальна.

Точно так же ставится под вопрос приоритет крупного производства в ходе модернизации. Причем надо сказать, что он особенно серьезно ставится под вопрос как раз в тех экономиках, где сильна роль клановых, семейных связей, где традиционная матрица сохранилась. Классический пример Италия.

В Италии крупное производство на определенном этапе снизило темпы роста, показало свою достаточно низкую конкурентоспособность. Тем не менее, Италия развивалась достаточно динамично за счет очень интересного инструмента, который итальянцы сами называют «промышленными округами», и который представляет собой гроздь малых и средних предприятий, очень тесно связанных с местным сообществом. Причем, что интересно, международные корпорации пытались в наиболее успешных промышленных округах покупать отдельные предприятия, но это не дало никакого эффекта. Без сети родственных, соседских, общинных связей эти предприятия – пустая оболочка. А связанные с механизмами местного сообщества эти грозди, кластеры, в общем эти предприятия являются основным двигателем экономического роста страны.

Я не хочу сказать, что механизмы, о которых мы говорили в начале, связанные с государственным доминированием в ходе модернизации, с концентрацией финансовых средств, полностью себя дискредитировали. Тем не менее, весь этот опыт позволяет очень серьезно поставить под вопрос единственность, универсальность и высокую эффективность этой стратегии.

Идеология Стратегии СКФО

1. Поддержка в первую очередь крупных проектов
2. Селективная поддержка – «выбор победителей»
3. Работа с инвесторами, а не с сообществами
4. Централизованные институты развития

Если мы посмотрим на идеологию стратегии Северо-Кавказского федерального округа, то, к сожалению, увидим, что новые тенденции там не учтены, потому что мы получаем почти «кальку» ситуации модернизации 30-х гг.

Поддержка в первую очередь крупных проектов. Хотя поддержка малого бизнеса там декларируется. Но, честно говоря, я пока не слышала ни про одно серьезное реальное направление, которое предполагало бы это дело реализовать. Селективная поддержка, т.е. государство выбирает те проекты, которые заведомо становятся «победителями». Причем масштабы поддержки таковы, что у их конкурентов явно шансов нет. И тем самым выбранные «победители» ориентируются на то, что они заведомо наиболее эффективны. Работа с инвесторами, а не с сообществами. И централизация институтов развития.

Я не хочу сейчас говорить о том, хорошо это или плохо. Я просто говорю о том, что мы получаем полное воплощение той идеологии, которой уже 80 лет, и после которой уже произошло очень многое в этой сфере, что в идеологии стратегии не учтено.

Второй момент – наше представление о Северном Кавказе. Если вы помните, я говорила, что генетический код состоит из двух частей. Мы, в конце концов, можем предположить, что нет другой альтернативы. Если действительно на Северном Кавказе депрессия, низкие доходы населения, отсутствие возможности для накопления – может быть и нет другого варианта, как прийти государству, накачать эту экономику через инвесторов деньгами и получить какой-то результат.

Хочу привести цитату из знаменитой книги Эрнандо де Сото «Загадка капитала», где он показывает, что «...большинство беднейших стран Азии, Африки и Латинской Америки уже обладают ресурсами и активами, необходимыми для процветания капитализма. Даже в самых бедных странах у бедняков есть сбережения. И объем этих сбережений грандиозен – в 40 раз больше, чем вся сумма иностранной помощи, предоставленной миру после 1945 г.»

Вывод кажется абсурдным. Откуда? Но, кстати, этот вывод никем не оспаривается. И надо сказать, если мы проанализируем не формальные доходы домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (я имею в виду в первую очередь в национальных республиках), а структуру их расходов, то мы увидим, что этот вывод вполне актуален и для Северного Кавказа.

Мы берем цифры, которые слышали непосредственно от людей. Наша информационная база – это, прежде всего, интервью. Поступление детей в вузы – от 100 тыс., но это уж совсем плохенькие, а так – 300, 500, 600 тыс. в самые престижные, примерно такой порядок. После этого необходимо устроить ребенка на работу. За это тоже платятся деньги. Суммы тоже разные, но тоже достаточно существенные. Дальше ребенка нужно женить или выдать замуж. В Махачкале около 70, насколько я помню, свадебных салонов, вместимостью от 300 до 1500 мест. Приличная свадьба, за которую не стыдно, стоит начиная от 1 млн руб. и выше. Есть такая традиция, что родители жениха строят семье дом, а родители невесты этот дом обставляют. Но при этом уважающая себя семья (я говорю про Дагестан) имеет участок земли в Махачкале, а земля в Махачкале стоит недешево. Если при этом мы учтем, что на Кавказе до сих пор относительно высокая рождаемость, а в горных селах Дагестана 5-6 детей – не редкость, давайте оценим по структуре расходов, каковы доходы. Я думаю, что миф о глубокой нищете на Северном Кавказе таким способом развеивается достаточно быстро и просто. Таким образом, деньги есть. Почему эти деньги не вкладываются в экономику?

Последствия отсутствия гарантий прав собственности и исполнения контрактов:

- невыгодно вкладывать в долгосрочное развитие экономики
- нельзя превратить накопления в капитал
- необходимость корпоративной защиты собственности и контрактов

Мы вынуждены возвращаться ровно к тем проблемам, которые на опыте стран – пионеров модернизации были сформулированы и никем не оспариваются. Если у нас нет гарантий прав собственности и гарантий исполнения контрактов, то, к сожалению, деньги в экономику не вкладываются. Во-первых, невыгодно вкладывать в долгосрочное

развитие. Когда собственность не защищена, т.е. сегодня она моя, а завтра меня поставили в такие условия, что, либо она мне уже невыгодна, либо она уже не моя, смысла нет вкладывать. Во-вторых, нельзя превратить накопления в капитал. Эту проблему тоже де Сото объясняет, почему большие накопления не работают на экономику.

«Беда в том, что их ресурсы имеют ущербную форму: дома построены на земле, права собственности на которую оформлены неадекватно; обязательства предприятий не определены; производства размещены в зонах, где ни финансисты, ни инвесторы не могут их контролировать. Поскольку права собственности на эти активы не задокументированы надлежащим образом, их нельзя продать никому, кроме небольшого числа местных, знакомых между собой и доверяющих друг к другу людей, их нельзя использовать как обеспечение кредита или предложить инвесторам для долевого участия»

Эрнардо де Сото

То есть де Сото делает вывод, что эти накопления нельзя превратить в капитал. Это не про Кавказ, а про Латинскую Америку. Ситуация абсолютно универсальна, абсолютно не эксклюзивна. Тем самым и инструменты, которые необходимы, тоже отнюдь не эксклюзивны.

Наконец, следующий очень важный момент. Если у нас собственность и контракты не защищаются государством, не защищаются в рамках судебной системы, значит должны быть какие-то альтернативные механизмы, для того чтобы это происходило. И такие механизмы реально существуют. Это определенные формы корпораций. Корпорации не в смысле предприятий, а в смысле сообществ, действующих по определенным правилам, по которым инфорсмент (т.е. принуждение к исполнению контрактов) происходит вне государственных механизмов.

Возможно, со мной не согласятся коллеги с Кавказа, но у меня ощущение, что религия на Кавказе в том числе играет и эту роль. Религиозное сообщество гарантирует сохранность и развитие бизнеса, стабильные институциональные условия, т.е. то, чего не делает государство.

Вывод:

Накопления есть, но нет стимулов к их производительному использованию

Попробуем сделать промежуточный вывод, собственно мы его пытаемся доказать в нашем исследовании. Проблема не в том, что нет накоплений или сбережений людей либо накоплений в другой форме. Проблема в том, что нет стимулов к их производительному использованию.

Северный Кавказ: диагноз Есть ли потенциал модернизации?

«На Кавказе ...существует модернизация»
Хлопонин А.Г.

Две формы модернизации:

1. Модернизация снизу
2. Модернизация сверху

Поставим следующий вопрос: а есть ли потенциал модернизации как таковой? Хлопонин Александр Геннадиевич [полпред президента в СКФО] считает, что «на Кавказе ... существует модернизация». И я полностью поддерживаю этот тезис. На Кавказе модернизация существует в 2-х формах, которые мы условно назвали «модернизация снизу» и «модернизация сверху».

Ограничения «модернизации снизу»

- риски легализации бизнеса
- непроизводительные издержки («коррупционная надбавка»)
- заинтересованность основных игроков в сохранении замкнутости системы

Что такое «модернизация снизу»? Это когда производство растет, как оно росло в странах – пионерах модернизации, из небольших предприятий, которые успешно развиваются, возглавляются талантливыми собственниками и менеджерами. Производство постепенно растет, развивается, модернизируется.

Какие условия для этого созданы на Северном Кавказе? Надо сказать, что условия таковы, что потолок такому развитию ставится очень быстро. И мы выделили следующие риски, ограничения подобной формы модернизации. Ну, во-первых, так или иначе, обычно этот бизнес начинается в нелегальных или полуполигальных формах. Дальше он растет, развивается, ему нужны инвестиции, ему нужен бренд. Возникает тот момент, когда нужно легализовываться. Риски легализации бизнеса на Кавказе очень высоки.

Приведу одну очень яркую фразу, которая была сказана в одном из интервью представителем обувного рынка, производителем обуви, в Махачкале: «У меня мечта создать такую фирму, как *Adidas*, *Puma*, мы ведь тоже так можем. Я просто боюсь сделать вдох, потому что тут же хищники набегут».

Очень часто, когда спрашиваешь, а почему не легализовать бизнес, говорят, что высокие налоги. Когда начинаешь разбираться, то ощущение, что люди боятся не высоких налогов, а собственной уязвимости, когда бизнес прозрачен. Потому что этот бизнес рассматривается, скорее, как неприятельская территория, на которую нужно совершать набеги. Это делают очень разные субъекты: муниципальные, региональные, федеральные, налоговые, силовые. Как то растение, которое надо поддерживать и взращивать. Таким образом, бизнес во многих случаях остается нелегальным или полуполигальным, и возможности для модернизации не используются.

Во-вторых, это та самая коррупция, о которой мы уже говорили и вчера, и сегодня. Коррупционная надбавка, закладываясь в цену, собственно повышает эту цену до того уровня, когда продукция становится неконкурентоспособной. По разным оценкам, коррупционные надбавки, которые мы слышали от разных респондентов, составляют от

15–20% в цене продукции до 40–45%. Совершенно очевидно, что даже по нижней границе это уже всерьез ставит под вопрос о конкурентоспособности производства на Северном Кавказе.

И, в-третьих, еще один очень важный фактор. Когда коррупция централизована, или, если говорить языком институциональной теории, когда есть «стационарный бандит», т.е. некий один субъект, который собирает дань с этого производства, то этот субъект заинтересован в росте производства. А вот когда коррупция децентрализована, когда этих «хищников» много, любой модернизационный фактор – инвестор, приходящий на рынок, новый производитель сырья, который может обеспечить его более высокое качество, рассматривается как угроза. Он может нарушить сложившийся баланс между разными «хищниками», и в результате может начаться война всех против всех. В результате экономика попадает в специфическую институциональную ловушку, когда для всех модернизация и модернизационные субъекты – это угроза. В долгосрочной перспективе – это ведет в никуда.

Ограничения «модернизации сверху»

- необходимость конкуренции за административный ресурс
- нестабильность административного ресурса
- нелегитимность полученных административным путем прав для других претендентов на ресурсы

Другие проекты модернизации – это уже не тот случай, когда предприятия растут снизу органическим путем. Это когда приходит крупный инвестор, а приходит он не только в рамках стратегии, он приходил и до этого, вкладывает достаточно большие средства и создает современное производство. Тут административный ресурс играет на него, потому что ясно, что без административного ресурса он бы просто туда не пришел, так уж устроена экономика. Именно в этом административном ресурсе – его наибольшая уязвимость. Во-первых, может прийти инвестор и реализовать модернизационный проект. Модернизационность этого проекта – не тот основной критерий, по которому проекты выбирают. Может быть еще масса критериев, начиная от семейно-родственной близости и кончая чисто финансовыми интересами. Поэтому, приходя, подобный инвестор должен конкурировать с другими далеко не модернизационными проектами. Предположим, что он выиграл эту конкуренцию. Административный ресурс не вечен. Сегодня у нас один руководитель республики, завтра другой. Его административный ресурс может делиться совершенно по-другому. Ситуация очень не стабильна. С другой стороны, получая права на ресурсы и определенные особые условия ведения бизнеса с поддержкой этого административного ресурса, подобный инвестор вступает в конфликт с другими претендентами на ресурс, для которых эти административные права могут восприниматься как совершенно не легитимные, потому что их права на этот ресурс, в частности, на землю, могут исходить совершенно из других источников: из традиций, из общинных отношений и т.д. Это тоже очень серьезный потенциальный конфликт и потенциальное ограничение модернизации.

Вывод:

Потенциал модернизации на Кавказе сдерживается
не отсутствием инвестиций, а
институциональными факторами.

Потенциал модернизации на Кавказе, с нашей точки зрения, сдерживается не отсутствием инвестиций, а институциональными факторами.

Вчера у нас состоялся предварительный семинар. Присутствовало человек 25, причем в основном наши коллеги с Кавказа. И был очень интересный разговор, который мы начали с того, что попросили каждого из участников назвать от 1 до 3 причин того, почему на Кавказе не идет модернизация. Среди всех названных причин проблема недостатка инвестиций практически не фигурировала. Упоминались низкое качество человеческого капитала, клановость, коррупция, отсутствие частной собственности на землю, еще масса других факторов, кроме отсутствия инвестиций.

Риски Стратегии для спонтанной модернизации:

- ✓ рост «коррупционной надбавки»
- ✓ неконкурентноспособность «модернизации снизу» в условиях выбора победителей
- ✓ завышенные ожидания в отношении «победителей»
- ✓ мимикрия под «победителей»

Посмотрим теперь, что может произойти, если на картину, которую я попыталась охарактеризовать, приходит стратегия модернизации на основе «выбора победителя», которая предусмотрена стратегией социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. Мы видим здесь достаточно существенные риски для той спонтанной модернизации, которая уже идет.

Во-первых, что происходит с рынком коррупции (а рынок базово коррупционен), когда на него выбрасываются большие деньги? Совершенно очевидно, что коррупционная надбавка будет расти. Причем расти она будет не только для тех инвесторов, которым эти деньги даны, но и в целом для всего рынка, т.е. транзакционные издержки повысятся для всех.

Второй момент, когда выбраны победители, а это будут крупные проекты. Те мелкие проекты, которые выросли снизу, они вряд ли будут среди победителей, у них лоббистский ресурс не настолько силен. Собственно для них, вот эти победители будут реальной угрозой, особенно в тех сферах, в которых они будут конкурировать.

Вчера мы говорили про горнолыжный кластер. Уже есть сложившиеся центры горнолыжных курортов на Северном Кавказе – Домбай, Приэльбрусье, они всем известны. Есть очень большая вероятность, что когда начнут развиваться эти новые центры, традиционные центры обрушатся, потому что для них просто не останется клиентов. Большинство платежеспособных клиентов уйдут на новые курорты. Но новые курорты тоже не особо хорошо будут жить, потому что та мощность, на которую они рассчитаны, существенно завышена, и они могут деградировать в результате того, что наполнения все равно не будет. Есть очень большой риск, что мы обрушим уже сложившуюся, растущую,

развивающуюся систему и не получим взамен нее более эффективной и качественной, созданной искусственно за счет мер государственной поддержки.

Это связано и с третьим риском, когда мы пытаемся что-то вырастить, что-то поддерживаем, мы всегда от этого очень многого ожидаем. А если мы еще исключаем ожидаемое из процесса рыночной оценки, предполагая, что гарантии должны выделяться без залога, даже те элементы рыночной оценки, которые могли бы быть, мы тоже исключаем, а собственно вопрос стоит именно так, что мы всегда очень многого ждем и поэтому вероятность завышенных ожиданий тут очень высока. К сожалению, очень часто завышенные ожидания не выполняются.

Ну и, наконец, когда речь идет об административном ресурсе, будет очень много желающих мимикрировать под победителей. И те проекты, которые не являются реально модернизационными и направлены на перераспределение ресурсов, они очень активно будут представлять себя, как тех победителей, которых надо выбрать. Я думаю, что этот риск достаточно высок. И вчера мы об этом уже говорили, применительно к горнолыжным кластерам.

К сожалению, из всего, что я сказала, следует очень грустный вывод, который состоит в том, что возможности наши для воздействия на модернизацию на Северном Кавказе достаточно невелики. Мы должны объективно признать ограниченность этих возможностей. Мы попытались сформулировать некоторые требования к модернизационной политике на Северном Кавказе, которые, как нам кажется, нужно применять к любой предлагаемой мере.

Требования к модернизационной политике

- поддерживать «коалицию роста», а не «перераспределительную коалицию»
- включать модернизацию «человеческого капитала»
- НЕ повышать конфликтогенность
- НЕ приводить к повышению «коррупционной надбавки»
- НЕ ослаблять существующие ростки модернизации
- НЕ нести масштабных финансируемых рисков

Как вы видите, тут без слова «не» всего 2 требования, мы их вынесли наверх. А все остальное действует по принципу «не навреди». Эти меры должны поддерживать коалицию роста, а не перераспределительную коалицию; должны включать в себя модернизацию человеческого капитала, и это должно быть основным приоритетом; не должны повышать конфликтогенность. Когда новый инвестор приходит на те ресурсы, которые вроде бы юридически чистые, но реально там очень много традиционных форм хозяйствования, и неформально они в собственности, это может очень серьезно повысить конфликтогенность. Не приводить к повышению коррупционной надбавки; не ослаблять существующие ростки модернизации; и не нести масштабных финансовых рисков, потому что на самом деле притом, что вероятность ошибки достаточно высока, а проекты очень крупные, финансовые риски становятся неоправданными.

Предложения

1. Отказ от специфических для СКФО мер селективной поддержки крупных инвесторов
2. Финансовая поддержка малых инфраструктурных проектов, направленных на развитие экономики местных сообществ
3. Урегулирование вопросов собственности на землю и землепользования
4. Поддержка кооперации
5. Создание условий для ценностного выбора молодежи
6. Формирование новой элиты

А теперь я прокомментирую наши предложения.

Мы считаем, что специфические меры селективной поддержки крупных инвесторов для Северо-Кавказского федерального округа не нужны. Мы считаем, что риски, которые с ними связаны больше, чем те плюсы, которые они могут принести.

Если мы говорим о финансовой поддержке, то это должна быть поддержка малых инфраструктурных проектов, направленных на развитие экономики местных сообществ. Мы много ездили по Северному Кавказу. И ощущение, что в очень многих местах для того, чтобы экономика начала развиваться, не хватает не каких-то глобальных огромных масштабных инвестиций, не хватает мелочи – хорошо построенной дороги, каких-то систем орошения... Акцент надо делать на подобных мерах. Они не несут серьезных финансовых рисков, а в общем эффект могут дать серьезный.

Принципиальный вопрос – это урегулирование вопроса собственности на землю и вопросов землепользования. В Карачаево-Черкесии вопрос урегулирован лучше, в остальных местах просто мораторий на приватизацию земли на 49 лет, и это приводит к очень негативным ситуациям.

Поддержка кооперации. Я даже убрала слово «сельскохозяйственной», потому что кооперацию надо поддерживать и в городах, формируя те самые кластеры, промышленные округа. В этом вопросе следует хорошо изучать опыт Италии. Это просто хрестоматия для нас.

Будущее Кавказа, как и любого другого государства, это молодежь. От того, в каких условиях у нас сейчас будет формироваться молодежь, будет зависеть Северный Кавказ завтра.

Что представляется принципиальным? Очень высокая доля молодежи на Северном Кавказе получает высшее образование. Кто-то получает высшее образование в Москве, Питере и других российских центрах. Но очень значительная часть получает образование в тех республиках, в которых они росли. Очень важно для этих молодых людей сформировать возможность выбора системы ценностей, которой они дальше хотят придерживаться. Не навязывая ни ту, ни другую, ни третью, но создать условия для формирования выбора. Очень сложная задача. Одним из инструментов ее решения могло бы быть создание автономных университетских кампусов, которые бы были на отдельной замкнутой территории, и где молодежи могла бы быть предоставлена вот такая возможность.

Формирование новой элиты. Вопрос кадрового резерва очень важен, и очень важно, чтобы этот резерв был общий для всех республик, чтобы люди изначально учились общаться и воспринимать друг друга не как врагов, а как коллег, и еще очень важно, чтобы это были серьезнейшие элитные обучающие программы. Я не очень верю в эффективность массовой посылки молодых людей за границу. Во-первых, культурные факторы – это серьезная вещь. Во-вторых, те, кто адаптируются, не вернуться, а те, кто не

адаптируются, не смогут получить то, ради чего они поехали. А вот проведение элитных обучающих программ на общекавказской базе, причем, скорее всего, даже не на Кавказе, а в Москве или в Питере – мне кажется очень важным.

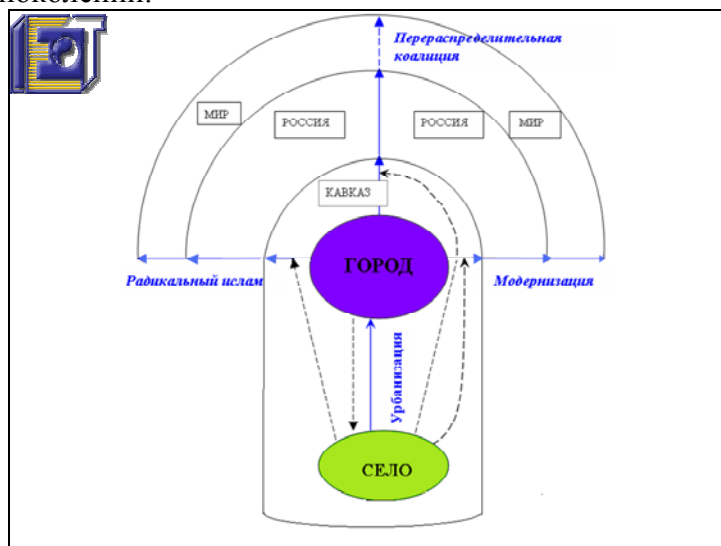
Риски предлагаемых мер:

- ✓ Организационная сложность
- ✓ Политическая непривлекательность
- ✓ Отсутствие быстрых и существенных выигрышей (деструктивные процессы могут идти быстрее конструктивных)

Нет рецепта, что делать с городской молодежью в первом поколении!

Мы прекрасно понимаем: то, что мы предлагаем, тоже несет определенные риски. Мы видим риски, во-первых, в организационной сложности, потому что гораздо проще оценить 5 крупных масштабных проектов, которые еще и хорошо профессионально подготовлены, чем 50 или 500 мелких проектов, которые подготовлены на месте. Но надо понять, что те, кто готовит крупные проекты, они их подготовили с помощью профессиональных консультантов, и никаких квалификаций, которые с этим связаны, на Кавказе не осталось. Если эти проекты готовятся снизу, то обучение и квалификация, связанные с их подготовкой, остаются там. И это представляется очень важным.

Второй момент – это политическая непривлекательность. Мы не предлагаем быстрых и выигрышных решений. И хотя, с нашей точки зрения, эта программа позволяет медленно и верно развивать процессы конструктивные, деструктивные процессы могут идти быстрее. Мы видим этот риск, мы считаем, что существующая стратегия тоже не очень с этим риском справляется. Но мы признаем, что этот риск есть и у нас. И с этой точки зрения абсолютно принципиальный вопрос о том, что нет рецепта, что делать с молодежью в первом поколении.

Вот как сейчас выглядит ситуация и те альтернативы, с которыми сталкивается Северный Кавказ. Базовый процесс, который идет, – это процесс урбанизации, это процесс перетекания людей из села в город, связанная с этим ломка традиционной системы отношений, которые роль регулятора играют не в такой степени, как раньше. Одновременно та распределительная коалиция, та система разделения бюджетных денег, которая существует, и на которой Кавказ во многом живет, этот поток встроить в себя не сможет. Этот поток чересчур велик. Соответственно у этих людей будет очень четкая развилка: либо они станут резервом и ресурсом модернизации, либо они уйдут в радикальный ислам и экстремизм.

Нам представляется, что проблема стоит очень остро и очень жестко. И в этом и есть основной модернизационный вызов, который стоит перед Северным Кавказом.